

УДК 34.096
DOI 10.36511/2078-5356-2019-4-98-103

Супрунов Александр Германович
Alexander G. Suprunov

кандидат юридических наук, врио первого заместителя начальника академии (по учебной работе)
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

candidate of sciences (law), the acting deputy head of academy (for academic work)
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: suprunov1@mail.ru

Васильева Ульяна Вячеславовна
Ulyana V. Vasilieva

студент Института международных отношений
Казанский федеральный университет (420008, Казань, ул. Кремлевская, 18)

student of the Institute of international relations
Kazan Federal University (18 Kremlevskaya st., Kazan, Respublika Tatarstan, Russian Federation,
420008)

E-mail: vasiljeva.ulyan@yandex.ru

История создания первой Конституции Ирана: взгляд сквозь призму гражданских свобод

The history of Iran's first Constitution: a view through the lens of civil liberties

В статье проводится исторический и сравнительно-правовой анализ первой Конституции Ирана. Рассматриваются вопросы конституционно-правового закрепления основных гражданских свобод в стране с преобладанием норм традиционного исламского права.

The article presents the historical and comparative legal analysis of the first Constitution of Iran. The article deals with the issues of constitutional and legal consolidation of basic civil liberties in the stratum with the predominance of traditional Islamic law.

Ключевые слова: Иран, конституция, меджлис, конституционное строительство, сравнительный анализ, гражданские свободы, исламское право, шариат.

Keywords: Iran, constitution, majlis, constitutional construction, comparative analysis, civil liberties, Islamic law, Sharia.

В условиях современного открытого общества становятся практически обыденными научные дискуссии историко-правового характера, посвященные вопросам постепенного мифологизирования последующими поколениями описания тех событий, которые происходили в периоды крупных социальных и политических потрясений. Многие поколения французов гордятся тем, что первые революционные события, Великая французская революция, провозгласившая лозунг: «Свобода, равенство, братство» произошли именно в их стране. Вме-

сте с тем, французские историографы и правоведы с большой неохотой признают, что столь достойные лозунги и идеи существовали одновременно с решениями Конвента о разрешении действий «адских колонн» республиканского генерала Тюро в 1794 году.

Как отмечает Д. Афари на страницах журнала Колумбийского университета, конституционные законы Ирана 1906—1907 годов создавались в более чем непростой период истории и права Ирана [1]. Новые законы признали авторитет Меджлиса (парламента), нового центра

© Супрунов А.Г., Васильева У.В., 2019

власти, и сократили влияние шаха. С Меджлисом согласовывались все иностранные договоры. Он гарантировал автономию провинциальных советов и поддерживал свободу прессы. Христиане, евреи и зороастрийцы были признаны гражданами и получили равенство перед законом. В конечном счете, однако, Конституция не смогла примирить конфликт между религиозным и светским правом, и в этой области далеко не соответствовала другим современным конституциям.

Наиболее важным первоисточником иранских конституционных законов 1906—1907 годов была бельгийская Конституция 1831 года, хотя разработчики иранского конституционного права также обращались к французской, болгарской и османской конституциям. В данной статье с исторической точки зрения и с учетом нормативного закрепления гражданских свобод предполагается рассмотрение влияния этих конституций на иранское законодательство. Мы увидим, что иранская Конституция вышла за пределы своих предшественников в нескольких областях. Она предоставила меньше прав монарху, расширив полномочия парламента и премьер-министра. Конституция также опосредовала светскую судебную систему, которая смягчила традиционный авторитет религиозных юристов. Но, вместе с тем, новый законодательный акт предоставил беспрецедентные институциональные полномочия духовному учреждению, тем самым подорвав новые гражданские свободы, предоставленные Конституцией, и ограничив возможности как парламента, так и судебной власти.

В традиционном иранском обществе, отмечает Р. Шейхолеслами, существовала двойная система власти, где несколько других патриархов-клерикалов, племен и местных знатных людей, в том числе князья и другие губернаторы провинций, проверяли родовые полномочия монарха на некоторых аренах [2]. Было также два набора законов: закон шариата и обычное право урф. Закон шариата был получен из Корана и хадисов, решений двенадцати шиитских имамов и решений юристов и применялся различными членами духовного истеблишмента [3]. Государство управляло обычным правом. В эпоху династии Каджаров (1779—1924) закон урф применялся в зданиях судов, известных как Диван-хане, а решения принимались полицией (Даругхе). Шах назначал и смещал судей в этих судах. Местные губернаторы также создали суды в своих провинциях. На уровне деревни деревенские руководители разрешали местные конфликты с помощью медиации.

Граница между законами шариата и обычным законом никогда не была полностью ясна. Иногда, как в конце эпохи Сефевидов (1501—1722), все вопросы решались через шариат. В другие времена, как в период Надир-шаха Афшара (ок. 1736—1747), государственные органы надзирали за всеми правовыми вопросами. В целом священнослужители занимались религиозными и гражданскими делами, а государство занималось случаями убийств, грабежей и других форм насилия. В коммерческих спорах два арбитра, по одному для каждого истца, часто разрешали конфликты посредством посредничества и переговоров.

Характерной особенностью традиционного права в шиитском иранском обществе было его особенно несправедливое отношение к женщинам и меньшинствам, будь то мусульмане-сунниты или иранцы-немусульмане. Следует отметить, что в отличие от ситуации в иудаизме и христианстве, когда женщинам было отказано в праве наследовать имущество, мусульманские женщины имели право наследования и могли законно распоряжаться своим имуществом даже после вступления в брак. Женщина могла также требовать алименты, в то время как она была замужем. Однако исламские законы о наследовании, в соответствии с которыми сыну удваивается доля, полученная дочерью, по большей части игнорировались в сельских районах, особенно когда речь шла о земле. Но даже для многих городских женщин эти права были недостижимы. Женщины были исключены из большинства общественных площадок. Они также обладали крайне ограниченными личными правами и занимали крайне ненадежную позицию в браке из-за прав мужчин на многоженство. Даже когда женщины обладали явными и неоспоримыми правами, они либо не могли их реализовать (например, потому что их наследственные земли или имущество находились в совместном владении с другими членами семьи), либо они их не реализовывали, поскольку в противном случае они теряли поддержку родственников в будущем.

Меньшинства также подвергались неравному обращению перед законом. Одним из обязательств традиционного правосудия было сохранение социальных и религиозных различий мусульманского государства шиитов. Это означало сохранение пространства между мусульманами и немусульманами и различие между свободными людьми и рабами. Многие из этих ограничений были созданы в конце эпохи Сефевидов и продолжались до начала XX века.

Идея о том, что с иранскими гражданами (мужчинами) следует обращаться одинаково перед законом, независимо от их положения и социального положения, идея, что увечья и ампутация частей тела были жестокими и бесчеловечными формами наказания, концепция, согласно которой законы должны единообразно практиковаться в разных городах и поселках, и убеждение в том, что иранские граждане равны перед законом независимо от их религии, были юридически введены в ходе конституционной революции. К сожалению, эти беспрецедентные для начала XX века гражданские свободы не были восприняты шахом и уламами, и борьба за них продолжала определять иранскую политику в течение всего двадцатого столетия.

5 апреля 1906 года, после годичной серии протестов и демонстраций, Мозаффар ад-Дин Шах (пр. 1896—1907) вынужденно издал королевскую прокламацию, которая призвала к созданию Национального консультативного совета и написания конституции. В первые пять месяцев в ходе революции конституционалисты провели всенародные выборы и выбрали членов парламента конституционной революции. Избирательные законы от сентября 1906 года установили корпоративную и имущественную форму представительства и предоставили ограниченную франшизу шести классам избирателей-мужчин: членам аристократии Каджаров, другим дворянам и землевладельцам, студентам улама и теологии, а также торговцам, мелким землевладельцам и членам торговых гильдий [4, р. 227]. Эти первые в истории иранские выборы получили всеобщее одобрение и стали примером демократической политики.

Вскоре после образования Меджлиса в Тегеране и перед прибытием многих провинциальных депутатов ведущая группа конституционалистов подготовила краткую Конституцию 1906 года. Этот документ, на который оказали влияние Конституция Франции 1791 года и Конституция Бельгии 1831 года, заложил основу современной парламентской системы Ирана. В число первого Меджлиса входили депутаты из Тегерана и провинций, которые были избраны на двухлетний срок (ст. 5). Решения принимались простым большинством (ст. 6). Обсуждения Меджлиса должны были быть публичными. Журналисты могли присутствовать на заседаниях в качестве наблюдателей и публиковать публичные дебаты Ассамблеи (ст. 13). Меджлис был законодательным органом: он предлагал новые законы и утверждал законы, представленные членами правительства. Парламент ратифицировал все

финансовые сделки, иностранные концессии, а также правительственные контракты и договоры и учредил бюджет различных министерств (ст. 22—26).

Неограниченные властные полномочия шаха были существенно ограничены, и он был вынужден придерживаться Конституции (ст. 51). Монарх оставался главой государства, но управлялся через министров, ответственных перед Меджлисом. Он больше не контролировал казначейство, и его права были ограничены теми, которые конкретно указаны в Конституции. Шах был обязан соблюдать Конституцию, которая гарантировала свободу организации и свободу прессы среди прочих прав (ст. 13).

Избирательный закон от сентября 1906 года предусматривал создание наблюдательных избирательных советов, известных как анжоманы. Сначала анжоманы были сформированы в северных провинциях Азербайджан и Тегеран, а затем в южных провинциях Шираз, Исфahan и в других местах. Большинство из них продолжало функционировать после окончания выборов. Они стали важными автономными институтами, действовали в качестве канала между обществом и законодательной властью и создавали новые социальные проблемы.

Следует отметить, что Конституцией 1906 года остались неурегулированными множество насущных проблем правового порядка. Это надзор за реформами, создание современных школ и мониторинг действий губернаторов и крупных землевладельцев. Более того, нормы, регулирующие отношения между монархом и парламентом, или определяющие пределы действия религиозных законов шариата, оставались либо непроработанными, либо неоднозначными. К их числу можно отнести проблемы, касающиеся полномочий Меджлиса как нового института власти, и разграничения полномочий между ним и старыми институтами власти (монархия и духовенство).

Ограничения, которые наложил на шаха Меджлис, а также новый дискурс о справедливости, свободе и равенстве вели в начале XX века к смене правовой и социальной парадигмы в Иране. И Меджлис, и газеты получили исключительные права по сравнению с более ранними временами, что стало прямым нарушением традиционных социальных институтов. Не только консервативные противники нового порядка, но и многие священнослужители-конституционалисты, поддержавшие революцию, были озадачены. Парламент, например, мог бы предложить любые меры, которые он считал «способствующими благосостоянию правительства

и народа» (ст. 15). Все законы страны должны были быть одобрены Меджлисом (ст. 16). Никакая часть национальных ресурсов не может быть продана без разрешения Меджлиса (ст. 22). Иностранные договоры не могут быть приняты или иностранные деньги взяты в долг без одобрения (ст. 24). Меджлис мог потребовать от шаха отставки министров, которые нарушили Конституцию (ст. 28 и 29). Заседания Меджлиса были открыты для общественности. Журналисты могли свободно присутствовать и сообщать обо всем, что они слышали (ст. 13), и делали это, создавая совершенно новую общественную арену для несогласных.

В то же время Конституция 1906 года оставила многие вопросы нерешенными. Например, не было раздела об основных правах граждан, а также не были четко определены пределы полномочий исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти. Чтобы решить эти проблемы, Меджлис зимой 1907 года учредил комитет из шести человек для написания ряда дополнительных законов к Конституции. Все члены этого комитета должны были знать иностранный язык, чтобы консультироваться с текстами европейских конституций.

Если мы спросим, почему иранские конституционалисты выбрали бельгийский закон в качестве основной модели, два ответа покажутся правдоподобными. Во-первых, османская Конституция 1876 года, первая ближневосточная конституция XIX века, также была основана на Конституции Бельгии; следовательно, был прецедент для решения иранцев. Эта же бельгийская Конституция позднее стала моделью для египетской Конституции 1923 года. Таким образом, бельгийское законодательство оказало заметное влияние на политическое развитие нескольких европейских стран и трех основных государств Среднего Востока — Османской империи, Ирана, а затем и Египта. Иранские конституционалисты изучили османские и болгарские законы, чтобы определить авторитет духовенства в новом порядке. Конституция Бельгии, следуя примеру французской Конституции 1791 года, лишила католических священников и Церковь большей части их власти.

Несмотря на попытки ограничить полномочия религиозного истеблишмента в этой области, иранская Конституция в конечном итоге последовала примеру болгарской и османской конституций, а не бельгийской, и даже вышла за пределы своих предшественников в степени объема власти, которую она предоставила священнослужителям.

Еще одна причина, по которой за основу Конституции Ирана была избрана Конституция Бельгии, вероятно, заключается в том, что несколько высокопоставленных иранских конституционалистов имели коммерческие и политические связи с Бельгией. Саад аль-Доулах, живший в Брюсселе в качестве посла Ирана, был хорошо знаком с бельгийской политической системой. Именно он запросил и получил копию Закона 1831 года от бельгийского представительства. Затем он перевел документ на персидский язык и представил его конституционному комитету Меджлис для доработки. Поэтому, хотя французские и бельгийские законы влияли на иранскую Конституцию 1906 года, именно бельгийская Конституция 1831 года (с некоторыми важными пересмотрами) стала образцом дополнения к Конституции Ирана 1907 года. Эти добавки не были незначительными дополнениями, скорее, они составляют сердце и душу иранской Конституции.

Рассматривая дебаты той эпохи, можно предположить, что священнослужители-конституционалисты были готовы пересмотреть большинство традиционных законов, если только они не затрагивали гражданские и религиозные свободы граждан или кардинально не меняли гендерные различия. Как хорошо известно, одно из наиболее важных достижений — это признание индивидуальных свобод. Это право было сохранено в бельгийской и османской конституциях:

— индивидуальная свобода гарантирована (ст. 7 Конституции Бельгии);

— каждый осман может пользоваться личным положением при условии, что он не вмешивается в свободу других (ст. 9 Конституции Османской империи).

Однако иранский Закон 1907 года не включал этот принцип. Либеральные депутаты в Меджлисе, в том числе Такизаде и его сторонники в Азербайджане, Гилане и Тегеране, обеспечили соблюдение принципа равенства до принятия закона в 1907 году. Статья 8 говорила, что люди Персидской империи должны пользоваться равными правами перед законом государства. Основной моделью этого закона является статья 6 Французской декларации, сокращенная версия которой появилась в бельгийской (ст. 6), османской (ст. 17) конституциях. Главным, по мнению иранского законодателя, было равенство перед законом государства, а не перед религиозным законом. Что касается духовенства, то религиозные различия между мусульманами и немусульманами все еще существовали, хотя на практике их было бы трудно поддерживать.

Несколько других положений о гражданских правах из Конституции Бельгии были также включены в закон Ирана 1907 года. Он гарантировал права на личную собственность, неприкосновенность жизни и места жительства, право на неприкосновенность частной жизни в отношении писем и телеграмм, а также право на суд. Государство, а не духовенство, было поставлено во главе государственной системы образования (ст. 19). В дополнительном положении о гражданских правах (ст. 14) даже указывалось, что ни один иранский гражданин не может быть выслан из страны или лишен возможности там проживать.

Сравнение первого проекта закона 1907 года и окончательного варианта показывает, что были сделаны крупные уступки власти шиитов в других областях. Изучение науки, искусства и ремесел было разрешено «за исключением случаев, когда это может быть запрещено церковным законом» (ст. 18). Свобода прессы была предоставлена за исключением «еретических книг и вопросов, вредных для осознанной религии» (ст. 20). Свобода организаций была предоставлена всей нации, при условии, что такие противники и ассоциации «не приносят вреда религии или государству» (ст. 21). Тридцатью годами ранее османская Конституция гарантировала все эти права без обременений, которые теперь были закреплены в иранском Законе 1907 года. Но если султан Абдулхамид II подавил османскую Конституцию вскоре после ее рождения, консервативные священнослужители в Иране отменили эти новые гражданские права в зародыше.

Несколько статей бельгийской Конституции так и не вошли в иранский Закон 1907 года. Статьи 14—16 Конституции Бельгии устанавливают принципы свободы вероисповедания и невмешательства государства в религиозные вопросы и требуют гражданской свадьбы, предшествующей религиозной. Аналогичным образом, статья 23 бельгийской Конституции, которая признавала многоязычный характер этой страны, была проигнорирована иранцами, хотя Иран также был многоязычной нацией. Несколько прогрессивных статей из болгарской и османской конституций не нашли своего отражения в Конституции Ирана. В частности, статья 24 османской Конституции запрещала принудительный труд, а статья 26 запрещала пытки при дознании. Аналогичным образом статья 61 Конституции Болгарии запрещала рабство «любого пола» и объявляла, что рабы освобождаются после вступления на болгарскую землю.

Ни одно из этих положений о гражданских правах не было включено в иранский закон.

Концепция свободы либо отсутствовала, либо сильно ограничивалась в большей части иранской Конституции. С 1906 года многие члены улама продолжали выступать против понятия свободы, и вскоре это слово приобрело весьма уничижительный оттенок. Свобода, включая право отличаться и действовать иначе, чем другие люди, приравнивалась к нерелигиозности, аморальности, отсутствию целомудрия и распутному поведению. Что касается пола, то такие слова, как свобода и освобождение, приобрели вдвойне отрицательный оттенок. «Свободная женщина» означала вульгарную, аморальную и сексуально распущенную женщину.

Равенство перед законом рассматривалось более позитивно. Но даже в этой области равенство в отношении прав мусульман-суннитов, немусульман и женщин стало означать «раздельное, но равное», аналогично тому, как к американским законам относились до эры гражданских прав. Три десятилетия спустя, после реформ эпохи Реза-шаха, равенство все еще оставалось привилегией, которую монарх предоставил иранским гражданам, включая женщин и меньшинства. Что касается шаха или большинства шиитских общин мужского пола, то равенство перед законом является привилегией, которую также можно отозвать, если женщины или меньшинства вышли за пределы приемлемых границ, то есть если они требовали свободы.

В заключение мы должны отметить следующее.

Поскольку полномочия шаха были уменьшены, иранские конституционные законы 1906—1907 годов выходили за рамки бельгийской, болгарской, османской, а также немецкой или японской конституций. Парламент был законодательным органом, и иранский закон наделял Меджлис многими правами, которые ранее были предоставлены европейским королям или японскому императору. Конституция Ирана действительно установила принцип национального суверенитета и идею о том, что шах является представителем народа, недвусмысленно заявив, что «все силы исходят от нации» (ст. 26). Закон 1907 года ограничил абсолютную власть шаха, потребовав рутинных консультаций с министрами. Министры, в свою очередь, несли ответственность перед Меджлисом за свои собственные действия и действия шаха. Закон также ограничивал полномочия священнослужителей тремя основными способами: во-первых, путем создания нового законодательного орга-

на, во-вторых, путем установления принципа, согласно которому государство, а не священнослужители, контролируют образовательную систему, и, в-третьих, путем разделения судебной системы на две области, в которых моджахеда контролируют религиозный закон, в том числе законы о семье и гражданские суды, занимающиеся другими вопросами (ст. 27).

Что касается меньшинств, то закон 1907 года предоставил новые права религиозным меньшинствам (как мусульманам-суннитам, так и немусульманам), заявив, что все (мужчины) граждане были равны перед законом страны. Но даже в этой области язык закона был менее ясным и понятным, чем язык бельгийских, болгарских или османских конституций. То же самое было в 1911 году, когда было принято универсальное мужское избирательное право. Не уважалось и языковое разнообразие нации, поскольку все избиратели должны были читать и писать по-персидски.

Что касается гендерных прав, женщины получили множество новых прав на образование и на трудоустройство, но государство продолжало закреплять многие религиозные и патриархальные традиции и иногда накладывало новые ограничения на деятельность женщин. Как неоднократно утверждали некоторые феминистские ученые, строгое разграничение частных и общественных сфер в западном гражданском обществе часто закрепляло многие существующие патриархальные традиции, в том числе те, которые не получили широкого распространения. То же самое произошло бы в Иране. Избирательные законы 1906 года запрещали женщинам участвовать в новом политическом процессе, отказывая им в голосовании. Семейное право, в частности, оставалось полностью определенным моджахедами, что означало, что борьба за установление более безопасных законов, касающихся пола, была бы долгой и ожесточенной.

Конституция признала ислам шиитского толка официальной религией страны и дала Совету священнослужителей существенные права, которые прямо противоречили либеральному духу многих современных конституций. Улама получил право вето на решения Меджлиса. Не-

которые из гражданских свобод, которые были предоставлены в Конституции 1906 года, такие как свобода прессы или ассоциации, были ограничены в законах 1907 года. Другие гражданские свободы, которые были введены в 1907 году, часто ограничивались религиозными деятелями.

Стоит отметить, что за редким исключением второго Меджлиса (1909—1911) этот Совет священнослужителей оставался только на бумаге и функционировал формально, хотя видные священнослужители, заседавшие в Меджлисе, часто определяли направление деятельности Меджлиса. Различные ограничения гражданских свобод вместе с раздвоенной судебной системой послужили значительным сдерживающим фактором для развития демократического процесса в стране. В последующие годы, в канун Исламской революции, статья 2 Конституции стала оправданием для консервативных священнослужителей, которые утверждали, что их целью было восстановление конституции вместо авторитаризма Пехлеви. В 1959 году в эссе о Конституции Ирана Лоуренс Локхарт прогностически предсказал, что «остается возможность, что когда-нибудь совет [священнослужителей] может снова появиться, когда он может оспорить законность любого принятого закона, пока он был отменен» [5, р. 89]. Это стало очередным аргументом аятоллы Хомейни, проводившего кампанию против монархии Пехлеви в последующие десятилетия.

Примечания/References

1. Janet Afary. *The Iranian Constitutional Revolution, 1906—1911: grassroots democracy, social democracy and the origins of feminism*. Columbia university press, 1996.
2. Reza Sheikholeslami. *The structure of central authority in Qajar Iran, 1871—1906*. Atlanta: scholars press, 1977.
3. Sir Percy Sykes. *A history of Persia*. London: Macmillan, 1930, 2:384.
4. Louis L. Snyder, ed. *Documents of German History*. Rutgers university press, 1958.
5. Laurence Lockhart. *The Constitutional Laws of Persia: Outline of Their Origin and Development*. *Middle East Journal* 13, 1959b, pp. 372—389.